

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 4 (16) 2018 DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.4

Ссылка для цитирования этой статьи: Игнатов М. А. Свобода человека в информационно-сетевой культуре [Электронный ресурс] // Вестник МИРБИС. 2018. № 4 (16). С. 142–148. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.4.19

УДК 130.2 : 004.946

Михаил Игнатов¹

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена глобальными процессами сетевизации, в орбиту которых втягивается современный миропорядок, остро ставится вопрос о границах возможного и допустимого в современном медиапространстве и о границах свободы и ответственности «человека виртуального», об уровне информационно-сетевой культуры интернет-пользователя. В значительной степени острота рассматриваемой проблематики диктуется самой жизнью, условиями формирования новой социокультурной реальности, имеющей аналоги как в природно-материальной действительности, так и связанной с доминированием различного рода сетей, сетевых структур и дискурсов в обществе и культуре.

Цель статьи состоит в осмыслении взаимозависимости между экспансией технологий виртуальных симулякров, всецело погружающих человека в миры компьютерных идеальностей, и компенсаторной функцией виртуальных технологий по восполнению дефицита природной и социальной реальности (процесс так называемого «киберпротезирования»). Границы свободы «человека виртуального» определяются сферой создания «символических благ», принимая специфически-парадоксальную форму отношений между виртуальными образами, а не людьми, что закрепляет тенденцию инфляции подлинной свободы.

В статье использовались методы историко-философского исследования; общенаучные методы сравнительно-исторического исследования, культурно-семиотической интерпретации, системного и синергетического подходов, связанных с диалектической методологией. Реализованный синтез философско-антропологических и историко-философских подходов к анализу сетевых феноменов позволил адекватно осуществить исследование данной темы.

Результаты состоят в полученных обобщениях о том, что, во-первых, границы свободы «человека виртуального» определяются сферой создания «символических благ», принимая специфически-парадоксальную форму отношений между образами, а не людьми, что закрепляет тенденцию инфляции подлинной свободы. Во-вторых, в выводе о том, что в широком философском смысле тема сетевых феноменов и свободы человека связана с вечной проблемой — онтологией человека и человечества, так как именно этот болевой нерв должен определять все сетевые стратегии современного миропорядка.

Ключевые слова: свобода, виртуализация, человек виртуальный, сеть, информация, медиа, виртуальные симулякры, миры компьютерных симуляций, дефицит социальной реальности, киберпротезирование.

¹ Игнатов Михаил Александрович — кандидат философских наук, профессор, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры. Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7. E-mail: ignatovmikle@gmail.com

Прежде всего уместно заметить, что тему, рассматриваемая в проблемном поле данной статьи, поднималась в ряде моих авторских публикаций, получив в них свое конкретное преломление². В значительном массиве современных концептуализаций в исследовании глобальных сетей в постиндустриальных культур-

но-цивилизационных системах авторское внимание при интерпретации сетевых феноменов центрируется на качественной специфике сетей, как месте пребывания «свободы» человека и снятия отчуждения. Во многом потому, что именно они связывают различные места и оказывают огромное воздействие на организацию социального времени и пространства.

При ближайшем рассмотрении сетевые эффекты ярко высвечиваются в формировании устойчивых, структурированных по сетевому алгоритму, связей (информационных прежде всего), становящихся новым элементом рыночной инфраструктуры. Отсюда вытекает: 1) новое, устроенное по сетевому принципу общество, сеть — это место, где утверждаются правила до-

² См.: Игнатов М. А. Сетевое мышление: феномены отчуждения и свободной самоорганизации // Вестник Пятигорского лингвистического государственного университета. №1. Пятигорск, 2011. С. 362–365; Игнатов М. А. Интернет как фактор формирования NET-мышления // Альянс наук: вчений вченому: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: Т.1: Наукові праці у галузях: державного управління; історії, філософії, права; медицини; техніки. Дніпропетровськ: Видавець Біла, 2010. С. 19–22 и пр.

бросовестной конкуренции» [Дюма, 1989, с. 332]; 2) происходит качественный сдвиг в понимании человеческого ресурса как доминантной силы сетевых процессов в глобализирующемся мире; 3) человек сетей — это медиаобразованный субъект, пользователь, владеющий новейшими операциональными технологиями грамотного обращения с информационной базой, включая ресурс медиа.

В самом деле, разумно ли плыть против течения и пытаться оспаривать тот факт, что в информационно коммуникативном пространстве медиатехнологии заняли свою важную нишу? Их роль настолько велика, что оказывает видимое влияние буквально на все процессы в социуме, затрагивая в том числе и нашу повседневность.

Так я подошел к тому, чтобы пояснить авторские апелляции в отношении целесообразности оптимизации трактовки и понимания информационно-сетевой культуры в направлении усиления представленности в ней явления медиализации, в полной мере громко заявившего о себе как об актуальном ресурсе современной культуры и представленного довольно широким диапазоном от медиафеноменов до медиатехнологий и медиафилософии. В этой связи мной вводится термин «информационно-медийная сетевая культура» и именно в таком контексте рассматривается проблема виртуализации свободы человека в информационно-медийных сетях.

А. В. Одинцов пишет: «Современное медиапространство выполняет роль хранилища фактической информации, способствует формированию коллективной памяти, предоставляет пути информационного распространения, механизмы формирования имиджа, установок, общественного мнения, социальных мифов. Соответственно, восприятие обществом современной действительности происходит через призму медиапространства, поэтому государственная система в целях самосохранения стремится к управлению им, обеспечению государственной монополии на него» [Одинцов, 2017, с. 167–168]. В пользу значимости медийного аспекта также говорит не расчлененность понятий «информационный» и «медийный», их терминологическая синонимичность, присутствующая в справочно-энциклопедической литературе, дающая в принципе идентичные определения информационной и медийной культуры. Сошлюсь, в частности, на «Словарь терминов по медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности», где читаем: «Культура информационная (information

culture) — совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области информации, а также исторически определенная система их воспроизводства и функционирования в социуме; по отношению к аудитории информационная культура может выступать системой уровней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать информацию, усваивать новые знания в этой области» [Исмагилов, 2014, с. 23]. Здесь же дается определение медийной культуры, как и синонимичных понятий информационная культура, видеокультура, аудиовизуальная культура и т. п.): «Культура медийная (media culture) — совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, а также исторически определенная система их воспроизводства и функционирования в социуме; по отношению к аудитории медийная культура может выступать системой уровней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания в области медиа» [Там же].

То есть, хорошо видно, что оба определения концептуализируются основным критерием — каждая может выступать системой уровней развития личности человека. Общим знаменателем здесь выступает погруженность человека в контекст общения, передача медийной информации и взаимодействие коммуницирующих субъектов в процессе медийного восприятия, из чего нецелесообразно разводить «информационность» и «медийность», «информацию» и «медиа», как понятия и феномены — они взаимосвязаны и взаимодетерминированы, функционируя так, что одно предполагает другое, вместе образуя целостность информационно-медийного пространства.

В дополнение замечу, что сегодня медиаструктуры настолько проникли в жизнь общества и человека, включая даже пределы допустимого и вторгаясь в личное пространство людей (чего только стоит скандально известный феномен журнализма, желтой прессы), что впору говорить об отрицательном эффекте негативной нормы, связанной со сложностью фильтрации массовым пользователем информационно-медийных сетевых ресурсов. Сошлюсь в своих рассуждениях на Р. С. Исмагилова в том, что «...формула медиафилософии "Всё есть медиа", позволяет рассматривать медиапространство более широко и выйти за рамки СМИ и массмедиа» [Там же, с. 15], а сам «...термин "медиапространство", этимологически означающий лишь область электронных

коммуникаций, в настоящее время подразумевает все поле информационно-коммуникационных процессов, происходящих в обществе» [Одинцов, 2017, с. 168].

Отсюда представляется, что отличительными параметрами модели информационно-медийной сетевой культуры является:

- исторически детерминированная культурой система регенерации материальных и интеллектуальных ценностей в области информации и медиа;
- изменчивая и не вполне пока идентифицированная структура и подвижные границы самого медийно-информационного пространства, не принимающего претензий на их монопольное государственное регулирование и централизованный контроль;
- новый образ и класс информационной элиты: медийной, имиджевой, информационно открытой, с ее влиянием в управлении всем медийным сегментом;
- синтетический характер сетевого мышления (net-мышления) как способа интеллектуального и ценностного освоения информационно-виртуальной реальности, включая «критически автономное» и творчески ориентированное «медиамышление»;
- расширение сферы взаимодействия в киберпространстве с целью интерактивной коммуникации;
- наличие определенного «порога» информационной и медиаобразованности (в том числе этических норм работы в виртуальном пространстве) и уровня медиаобразования (этот вопрос сегодня стоит как приоритетный);
- механизм «обратной связи, когда медийная культура выступает системой уровней развития личности;
- стихийность и субкультурность, в том числе маргинальность, в освоении пространства и «правил» сетевой культуры (особенно со стороны молодежи), при недостатке эффективных способов моральной регуляции и саморегуляции.

Наконец, феномен «виртуализации свободы» стремится к границам возможного и допустимого, неявно определяясь мировоззренческим выбором каждого как «равного среди равных» и горизонтами возможностью невозможного.

С учетом сказанного, можно считать, что оптимизация этического механизма обеспечения функционирования сетевых коммуникаций, должен быть дополнена рычагами личной от-

ветственности за судьбы человечества [Шайхитдинова, 2004, с. 58], осознаваемой обществом в качестве жизненно-важной проблемы, которой дискурс глоболизирующейся сетевой культуры придает дополнительный драматический окрас. Строго говоря, рассматривая (на правах допущения) возможность уточнения термина «информационно-сетевая культура» в сторону его расширенной интерпретации как «информационно-медийной сетевой культуры», мы подразумеваем, прежде всего сущностную сторону характеристики данного феномена, отражающую его специфику на этапе сетевизации. При этом автор не претендует на бесспорность своих суждений и принимаю во внимание имеющиеся академические определения информационно-сетевой культуры, которые при некоторых своих различиях схватывают ее объективную специфику, давая в целом адекватные концептуализации разного уровня.

В целом же обращая внимание на целесообразность пересмотра термина «информационно-сетевая культура» и его замены понятием «информационно-медийная сетевая культура», полагаю, что это будет соответствовать более точному и глубокому пониманию сетевой культуры вообще, равно как и наполнению этого явления новыми смыслами и коннотациями, связанными именно с медийными сетями и проблемой свободы человека, живущего в сетевом обществе. С точки зрения автора, в этих процессах определенную роль играет феномен «виртуализации», получивший развитие в рамках философско-методологических концептуализаций «виртуалистики», построения теории психологических виртуальных реальностей, теории альтернативности сценариев (в историческом контексте) и возможности просчитать вероятностные сценарии развития будущего (по принципу: «Что было бы, если бы...») в сопряжении с синергетической методологией.

Резонно согласиться с теми специалистами, которые удостоверяя специфику сетевой парадигмы, радикально меняющей характер взаимоотношений между людьми, подчеркивают роль и значения не парных взаимодействий. Хотя они, конечно, еще играют существенную роль в информационно-медийных сетях и обосновывают новую тенденцию с приоритетом именно межсубъектных и межкультурных коммуникаций и коллективных взаимодействий. Данная модель «коллективного взаимодействия» релевантна процессам самоорганизации и коэволюции всех сложных систем, включая, разумеется, общество

в кризисно сложные, погранично-переходные периоды формирования новых сетевых социальных структур.

На настоящий момент основной информационной технологией общепризнанна глобальная сеть Интернет, «всемирная паутина», которая, во-первых, обуславливает собой горизонты развития информации как ресурса и универсального механизма коммуникационного взаимодействия всех общественных структур. Очевидно, что информация может пониматься по-разному: и как сообщение (или послание, от message — «вещь», т. е. передаваемый продукт интеллектуальной деятельности человека; и как интерпретация, приобретаемое знание; и, наконец, как коммуникация (она и составляет главную ценность Интернет-сети, предоставляя человеку возможность неограниченной свободы коммуницирования). Более точно эту мысль Д. В. Иванов выразил так: «Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им символического образа событий: то, что выглядит, а в коммуникации, в создании образов сила современного бизнесмена, политика, ученого, художника и т. д., а социальные конфликты как информационный поток, является процессом создания образа: не в знании и не в его передаче возникают по поводу именно «символических благ» [Иванов, 2005].

Во-вторых, диктует новые «правила игры» общества, в ходе чего «оцифровывается» процесс не только коммуникации, но и всего спектра «работ» в отношении информации.

В-третьих, обуславливает смену парадигмы мышления и формирование принципиально новый тип информационного социального взаимодействия: индивид становится гражданином мира, а национальное самосознание смещается на периферийные позиции в менталитете личности. Надо признать, что в пространстве виртуального мира с его парадигмой «образы важнее реальных поступков и вещей», базовые ценности и идеалы в их классическом понимании становятся рудиментами вчерашнего дня. А объемность пространственных коммуникаций имеет тенденцию к дифференциации, детерминированной процессами сегментации пользователей — получателей информации, включая тенденции расширения сегмента субкультурных виртуальных сообществ.

В-четвертых, новое сетевое информационное пространство, не признает границ и ограничений (оно вне границ и за гранью внешнего (государственного) регулирования. Можно предположить, что вопрос о механизмах регулирования

свободы и создании институтов технотронного социального контроля в направлении создания систем централизованного управления и программирования социальных процессов, накопления и обработки данных останется в краткосрочной перспективе открытым.

В-пятых, нерелексивная общественная склонность к информационному вирусу по принципу массового гипноза, зомбирования в отношении информационного продукта не независимо от его формы: познавательной или аналитической. Динамику виртуализации свободы в сетевом обществе и роль в данном процессе манипулятивной квазиидеологии медиатехнологий образно иллюстрирует современные авторы, говоря, что поле боя в современных военных действиях возникает на мониторах.

Кроме того, расширение функциональной экспансии медиатехнологий пополняется новой функцией — имиджевой (или популистско-мифотворческой), которая дополняется брендовой, нередко с откровенным или завуалированным конъюнктурным подтекстом, рекламной или другой «раскруткой» информационного продукта-товара. При этом суть в том, что отчуждению и манипулированию подвергаются многие сферы жизни человека, включая его знаково-символическую телесность: идеи, образы, знаки, символы, интеллект, знания и продуцируются симулятивные, превращенные формы виртуальной реальности. Информационный продукт, отчуждаясь в информационно-медийных сетях, порождает эффект симулякров, захватывая в свои сети человека виртуального и создавая образ виртуальной свободы. И, наконец, обязательная индивидуальная самопрезентация, социализация и самоидентификация в медиа-пространстве, «градус» мотивации которых обусловлен стремлением и силой желаний индивидуума к достижению удовлетворенности в своих личных притязаниях на значимость, выступающее «...источником любого человеческого действия» (Ю. Хабермас).

Предварительная аналитика выше изложенного позволяет увидеть взаимно детерминированные процессы, оказывающие влияние на процесс виртуализации свободы человека в сетях. С одной стороны, уровень развития информационных технологий, предоставляет воистину неограниченные возможности, открывая просторы для человеческой фантазии и творческих устремлений, развития индивидуальных талантов пользователя, создающего конкретный мыслительный продукт (и это, безусловно, позитивное самовыражение

личности). Однако есть и другая, обратная сторона процесса, когда искусственно созданный информационный продукт посредством медиатехнологий можно сделать вполне реалистичным, в ходе чего он (продукт) подменяет (а то и заменяет) собой действительную реальность.

Следует подчеркнуть, что приложимость понятия «виртуальность» к социальным феноменам уместно при взаимозаменяемых процессах: когда конкуренция имиджей замещает конкуренцию институционально определенных действий. В этом случае симуляция, составляющая социальное содержание виртуализации, является первичной по отношению к ее техническому содержанию, в процессе чего реализуется замещение реальности образами (по принципу одно вместо другого).

В самом общем виде феномен «виртуализация свободы» можно описать в следующих характеристиках: 1) относительность и условность значимости социальной принадлежности статус Интернет-пользователя (приветствуется псевдоним); 2) коммуницирование посредством визуализированных текстовых сообщений, включая новые формы; 3) рост ресурсного обеспечения для самовыражения и самоидентификации Интернет-пользователей и популяризация техник и технологий самопрезентации (процесса осознаваемого/неосознаваемого, целенаправленного/стихийного предъявления своего «Я»; 4) понятие самопрезентации также означает «поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции» через каналы; 5) ослабление или отсутствие ограничений размещения контента, публикации сорной и не фильтруемой информации (за исключением законодательно запрещенных/ограниченных).

Очевидно, что само по себе развитие сетевого общества отнюдь не суживает и не аннигилирует пространство проблемных зон, все активнее выходящих на онтологию человека, по-прежнему не зачисляя в ряды решенных такую проблему, как разрыв в «ситуации человека». Это означает, что процессы виртуализации свободы человека принимают образы кажимости, видимости, иллюзорности — в зависимости от уровня и глубины развития сетевого мышления человека, вставшего на непростой путь (особенно в плане мировоззренческой зрелости) интеллектуального и ценностного освоения виртуальной реальности и медиамиров. Отчасти это связано, во-первых, со скользящим качеством самой сети, порождающей такие феномены, как двуличие, двумирность, а, в конечном счете, удвоенную гипнотическую

реальность, в том числе и в ощущении свободы. То есть, мы должны понимать, что вопрос не о том, плохи или хороши сетевые структуры, а о границах возможного и допустимого в информационно-медийном сетевом пространстве и о степени сознательности и мировоззренческой зрелости самих пользователей.

По моему мнению, в целом сегодня можно говорить о новом типе общества (сетевом), как о «нормальной» (по Тоффлеру), другой модели мироустройства, социально организованной по сетевому принципу и о становлении информационно-медийной сетевой культуры, в границах которой на основе принципов всеобщей коммуникации и правил добросовестной конкуренции будет решаться два взаимосвязанных проблемы. Первая связана с качеством жизни человека, включая все модусы (от социально-политических, экономических до культурных и ментальных), а вторая — с преодолением отчуждения и самоотчуждения, разрыва «в ситуации человека», затрагивающего его онтологию. При этом в связи с тенденцией превращения устойчивой и объективной реальности в эфемерную форму человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. Границы свободы человека виртуального определяются сферой создания символических благ, принимая специфически-парадоксальную форму отношений между образами, а не людьми, что позволяет заключить о тенденции инфляции подлинной свободы.

В целом же нужно помнить о том, что формирование феномена глобального мира, всего спектра его поликоммуникативной среды к началу третьего тысячелетия фактически завершилось, невиданными темпами повышая степень культурного взаимодействия между народами. Тем самым оправдывает себя идея полифонизма и диалога культур на пути горизонтального, сетевого взаимодействия и самопознания, паритетного развития различных культурно-исторических традиций на фоне межкультурных контактов. Одновременно есть опасность подмены «сетями» общественных и экономических структур, что заставляет всерьез задуматься о фактической противоречивости процессов сетевизации, о поиске оптимальных механизмов их регулирования. Безусловно, всё это удваивает внимание к концептуальному персонажу «сеть», стремительно заявившему о себе в культурно-коммуникативных практиках, науке и философии постиндустриальной цивилизации.

Литература

Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции: Пер. с фр. / Р. Дюма. М., 1989. 332 с.

Игнатов М. А., Римский В. П. Сетевое мышление: феномен самоорганизации (философский анализ) // Социально-гуманитарные знания. Региональный выпуск. Краснодар, 2009. С. 223-228.

Исмагилов Р. С. Медиафилософия как подход к исследованию медиапространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 14-16.

Одинцов А. В. Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Серия «Математика. Механика. Информатика». Саратов, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167-170.

Федоров А. В. Словарь терминов по медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М., 2014.

Шайхитдинова С. К. Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения: дис. ... д. филос. наук. Казань, 2004. 308 с.

Иванов Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема: фантом постиндустриальной эры. 2005. URL: <http://www.follow.ru/article/117>.

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT

Mikhail Ignatov¹

HUMAN FREEDOM IN THE INFORMATION NETWORK CULTURE

Abstract. The relevance of the article is caused by the global processes of networkingization, in the orbit of which the modern world order is drawn, the question of the boundaries of the possible and permissible in the modern media space and the boundaries of freedom and responsibility of the "virtual man", the level of information and network culture of the Internet user. To a large extent, the acuteness of the problems under consideration is dictated by life itself, the conditions for the formation of a new socio-cultural reality, which has analogues both in natural and material reality and is associated with the dominance of various networks, network structures and discourses in society and culture.

The purpose of the article is to understand the interdependence between the expansion of virtual simulacrum technologies that fully immerse a person in the worlds of computer ideals, and the compensatory function of virtual technologies to fill the deficit of natural and social reality (the process of so-called "cyber-prosthetics"). The boundaries of freedom of the "virtual man" are determined by the sphere of creation of "symbolic goods", taking a specific-paradoxical form of relations between virtual images, not people, which reinforces the trend of inflation of true freedom.

The article uses the methods of historical and philosophical research; General scientific methods of comparative historical research, cultural and semiotic interpretation, systematic and synergetic approaches related to dialectical methodology. The implemented synthesis of philosophical-anthropological and historical-philosophical approaches to the analysis of network phenomena allowed to adequately carry out the research of this topic.

The results consist in the obtained generalizations that, firstly, the boundaries of freedom of the "virtual man" are determined by the sphere of creation of "symbolic benefits", taking a specifically paradoxical form of relations between images, not people, which reinforces the trend of inflation of true freedom. Secondly, in the conclusion that in a broad philosophical sense, the topic of network phenomena and human freedom is connected with the eternal problem – the ontology of man and humanity, since it is this nerve of pain that should determine all the network strategies of the modern world order.

Key words: freedom, virtualization, «virtual man», of the network, information, media, virtual worlds, simulacra, computer simulations, the lack of social reality, «kiberprotezirovaniye».

¹ Ignatov Mikhail Aleksandrovich — Cand. of Sci. (Philosophy), associate Professor of the Department of philosophy, cultural studies, science of the Belgorod state Institute of arts and culture. 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia. E-mail: ignatovmikle@gmail.com.

References

- Dumas R. *Literaturnaya i khudozhestvennaya sobstvennost'. Avtorskoye pravo Frantsii* [Literary and artistic property Copyright of France]. Transl. from French. Moscow, 1989. 332 p. (In Russian).
- Ignatov M. A, Rimsky V. P. *Setevoye myshleniye: fenomen samoorganizatsii (filosofskiy analiz)* [Network thinking: the phenomenon of self-organization (philosophical analysis)]. Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. Regional issue. Krasnodar, 2009. P. 223-228. (In Russian).
- Ismagilov R. S. *Mediafilosofiya kak podkhod k issledovaniyu mediaprostranstva* [Media philosophy as an approach to the study of media space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2014. No. 17 (346). P. 14-16. (In Russian).
- Odintsov A. V. *Mediaprostranstvo v setevom obshchestve: kontury novoy vlastvuyushchey elity* [Media space in a network society: the contours of the new ruling elite]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [News of Saratov University]. Series "Mathematics. Mechanics. Informatics". Saratov, 2017. Vol. 17, Iss. 2. P. 167-170. (In Russian).
- Fedorov A.V. *Slovar' terminov po mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti* [Dictionary of terms on media pedagogy, media literacy, media competence]. Moscow, 2014. (In Russian).
- Shaihutdinova S. K. *Informatsionnoye obshchestvo i «situatsiya cheloveka»: Evolyutsiya fenomena otchuzhdeniya* [Information society and "the situation of man": the Evolution of the phenomenon of alienation]. Dr. sci. diss. Kazan, 2004. 308 p. (In Russian).
- Ivanov D. V. *Fenomen komp'yuterizatsii kak sotsiologicheskaya problema: fantom postindustrial'noy ery* [The phenomenon of computerization as a sociological problem: a phantom of the post-industrial era]. URL: <http://www.follow.ru/article/117>. (In Russian).

